
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ | TOPICAL ISSUES

Право силы и сила права в меняющемся мире: односторонние меры принуждения

И. В. Гудков¹, М. Л. Энтин²

1 МГИМО МИД России, Москва, Россия
7905821@mail.ru
ORCID: 0009-0005-0613-0986

2 МГИМО МИД России, Москва, Россия;
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Аннотация

В статье представлен критический правовой анализ одностороннего принуждения в международных отношениях. Новизна исследования заключается в попытке взглянуть на проблему одностороннего принуждения, во-первых, максимально обобщенно и в комплексе, интегрируя ее военную и невоенную формы, во-вторых, через призму выявления связанных с этой проблемой стратегических вопросов, по которым в действующем международном праве отсутствует ясность, в-третьих, предложив возможные направления повышения юридической определенности и усиления антисанкционной политики. Сделан вывод о том, что основной политической причиной наличия одностороннего принуждения в современных международных отношениях является пробуксовка системы коллективной международной безопасности ООН, выражающаяся, прежде всего, в разных взглядах постоянных членов СБ ООН на вопросы права и факта в части регулирования отношений по поддержанию международного мира и безопасности, что препятствует принятию многосторонних мер по их защите. Базовой правовой проблемой при оценке одностороннего принуждения служит отсутствие четких, полноценно раскрытых в практике международного правосудия критериев применения соответствующих универсальных стандартов поведения, что усиливает фактор правовой неопределенности. В ситуации, когда соответствующая практика, полноценно разъясняющая содержание стандартов, пока не сформирована, а их кристаллизация иными способами затруднена, разные взгляды государств консервируют в международном праве серую зону, представляющую собой пространство для теоретических дискуссий, с одной стороны, и для практических манипуляций, с другой. В части односторонних санкций вводящие их субъекты умышленно избегают их международно-правовой квалификации, чтобы сохранить максимальную свободу маневра в рамках широко понимаемого принципа суверенитета, а на доктринальном уровне резервируют возможности их легитимации

как мер, вводимых в ответ на нарушения обязательств *erga omnes* или в целях обеспечения безопасности. В части односторонних мер военного принуждения — оправдывают их искусственно конструируемыми аргументами индивидуальной или коллективной самообороны. Магистральным направлением решения данной проблемы в ситуации, когда по причинам политического характера перезапуск системы коллективной международной безопасности ООН пока не представляется возможным, могло бы стать формулирование государствами мирового большинства своего нормативного видения соответствующих универсальных стандартов, его конкретизация и эффективная защита на международной арене. Ввиду своей стратегической значимости деятельность по конкретизации и защите нормативного видения действующих универсальных стандартов могла бы войти в перечень основных вопросов повестки содержательного наполнения инициативы по укреплению полицентричного мироустройства. В заключении статьи предложена программа мероприятий, направленная на формирование нормативного образа многостороннего мира, в котором случаи применения односторонних мер были бы сведены к закрытому краткому перечню четко определенных и объективно верифицируемых допустимых исключений. Программа включает направления по формированию новых норм права (*lex ferenda*) и по усилению эффективности применения существующих норм (*lex lata*). Готовые к участию в реализации программы государства и негосударственные субъекты могли бы сформировать на ее основе международный механизм контрсанкционной солидарности.

Ключевые слова: санкции, односторонние принудительные меры, право на самооборону, Устав ООН, контрмеры, законные меры третьих государств

Для цитирования: Гудков И. В., Энтин М. Л. Право силы и сила права в меняющемся мире: односторонние меры принуждения. *Журнал ВШЭ по международному праву / HSE University Journal of International Law*. 2026. Том 4. № 2. С. 4–36.

¹Иван Владимирович Гудков — кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД РФ.

²Марк Львович Энтин — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД РФ; главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт русской культуры УрФУ.

The law of force and the force of law in a changing world: unilateral coercive measures

I. V. Gudkov¹, M. L. Entin²

1

MGIMO University, Moscow, Russia
7905821@mail.ru
ORCID: 0009-0005-0613-0986

2 MGIMO University, Moscow, Russia
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
entinmark@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9562-8340

Abstract

This article presents a critical legal analysis of unilateral coercion in international relations. The novelty of the study lies in its attempt to look at the problem of unilateral coercion, firstly, in the most general and comprehensive manner possible, integrating its military and non-military forms; secondly, through the prism of identifying strategic issues related to this problem, on which there is a lack of clarity in current international law; and thirdly, by proposing possible directions for increasing legal certainty and strengthening anti-sanctions policy. It is concluded that the main political reason for the presence of unilateral coercion in modern international relations is the stalling of the UN collective international security system, which manifests itself, first of all, in the different views of the permanent members of the UN Security Council on issues of law and fact in terms of regulating relations to maintain international peace and security, which hinders the adoption of multilateral measures to protect them. The fundamental legal problem in assessing unilateral coercion is the lack of clear, fully tested criteria for the application of relevant universal standards of conduct in the practice of international adjudication, which creates legal uncertainty. In a situation where a practice of international adjudication that fully clarifies the content of those standards has not yet been established, and their crystallization is otherwise hampered, the differing views of states perpetuate a gray area in international law, providing space for theoretical discussions, on the one hand, and for practical manipulation, on the other. With regard to unilateral sanctions, those imposing them deliberately avoid classifying them under international law in order to preserve maximum freedom of maneuver within the broadly understood principle of sovereignty, and at the doctrinal level, they reserve the possibility of legitimizing them as measures imposed in response to violations of *erga omnes* obligations or for security purposes. With regard to unilateral military coercive measures, they justify them with artificially constructed arguments based on individual or collective self-defense. The primary solution to this problem, in a situation where restarting the UN collective security system is currently impossible for political reasons, could be for the states of the global majority to formulate their own normative vision of the relevant universal standards, concretize it, and effectively defend it in the international arena. Given its strategic importance, the work of specifying and protecting this normative vision of existing universal standards could become one of the main items to the agenda for the substantive content of the initiative to strengthen a polycentric world order. In conclusion, the article proposes a program of measures aimed at shaping a normative model of a multilateral world in which cases of unilateral measures would be reduced to a closed short list of clearly defined and objectively verifiable acceptable exceptions. The program includes guidelines for developing new legal norms (*lex ferenda*) and strengthening the effective application of

existing norms (*lex lata*). States and non-state actors willing to participate in the program could use it to establish an international counter-sanctions solidarity mechanism.

Key words: sanctions, unilateral coercive measures, right to self-defense, UN Charter, countermeasures, lawful measures of third states

Citation: Gudkov I. V., Entin M. L. The law of force and the force of law in a changing world: unilateral coercive measures. *HSE University Journal of International Law*. 2026. Vol. 4. No. 2. P. 4–36.

¹ **Ivan V. Gudkov** — candidate of sciences in law, associate professor of the department of legal regulation of the fuel and energy complex.

² **Mark L. Entin** — doctor of sciences in law, professor, head of the department of integration law and human rights, MGIMO University; senior researcher, Research Institute of the Russian Culture, Ural State University.

Не в силе Бог, а в правде.

Александр Невский «Повесть о житии», XIII век н.э.

Одержать сто побед в ста битвах — это не вершина воинского искусства.

Повергнуть врага без сражения — вот вершина.

Сунь-Цзы «Искусство войны», VI–V века до н. э.

Введение

Широкое признание получает тезис о том, что порядок, сложившийся после Второй мировой войны, постепенно уступает место новой реальности¹.

Контуры нового мироустройства являются предметом дискуссий, при этом одной из его определяющих черт часто называют многополярность или полицентричность.

На международной арене установка на укрепление полицентричности активно продвигается Россией и КНР. Так, в Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа от 20 мая 2026 года наряду с констатацией становления многополярного мира подчеркивается важность обеспечения в нем справедливости,

¹ Мурсалиев, А., Сухов, И. (2026, 23 мая). Окно в будущее. *Коммерсантъ*. https://www.kommersant.ru/doc/8623271?from=main&nav_id=future_contours&shem=rimspswouoe%2C

равноправия, многосторонности, уважения международного права и недопустимости гегемонизма².

Краеугольным для международного правопорядка является вопрос о допустимости односторонних, не одобренных Советом Безопасности ООН (далее — СБ ООН), мер принуждения. От того, существует ли в международном праве пространство для применения подобных мер и, если да, то каковы его границы, напрямую зависят возможности свободного развития суверенных государств, а значит, в целом судьба формирующегося полицентричного миропорядка.

Традиционно к односторонним принудительным мерам относят меры невоенного характера: разнообразные ограничения, часто называемые санкциями, вводимые санкционирующими государствами в целях изменения не устраивающего их суверенного поведения других государств — государств-объектов или государств-мишеней. Односторонние санкции классифицируют по ряду оснований, в том числе по предмету (экономические, финансовые, технологические, дипломатические, визовые, иные), по адресатам (государственные, секторальные, персональные), по охвату (первичные и вторичные). По глубине воздействия на государства-мишени односторонние санкции можно охарактеризовать как промежуточное, срединное средство, находящееся между мягкими дипломатическими усилиями, демонстрирующими свою неэффективность, и жестким военным вмешательством, которое по тем или иным причинам невозможно или нежелательно.

Меры военного характера в контексте одностороннего принуждения в настоящее время обычно не рассматриваются, так как международное право (п. 4 ст. 2 Устава ООН) прямо запрещает одностороннее применение военной силы. Единственным допустимым исключением из этого запрета является самооборона в случае вооруженного нападения (ст. 51 Устава ООН). Однако практика первой четверти XXI века показывает: в отсутствие универсально согласованных критериев доктрины самообороны она иногда трактуется настолько широко, что в ее применении явственно прослеживаются черты одностороннего военного принуждения.

Одностороннее принуждение в современных международных отношениях характеризуется значительной географической асимметрией. Большинство односторонних мер принуждения вводится странами

² Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа. 20 мая 2026 г. <http://www.kremlin.ru/supplement/6486?ysclid=mpdr61x06a959549981>

«коллективного» Запада, прежде всего Соединенными Штатами Америки (Тимофеев, 2018)³.

Базовая политико-правовая аргументация одностороннего принуждения сводится к тезису о том, что в определенных ситуациях защита глобальных благ (универсальных ценностей) требует принятия односторонних мер реагирования на соответствующие угрозы или нарушения. В число глобальных благ входят широко трактуемые и по ряду аспектов в растущей степени пересекающиеся категории «международный мир и безопасность», «обязательства *erga omnes*» и «права человека». К ситуациям, в которых глобальные блага следует защищать в одностороннем порядке, относят, в частности, случаи неосуществления СБ ООН их многосторонней защиты. В свою очередь, в качестве первопричины бездействия СБ ООН в деле многосторонней защиты международного мира и безопасности и связанных с ними обязательств *erga omnes*, в том числе правочеловеческого характера, рассматривается механизм ветирования, допускающий широкие возможности для блокировки решений этого органа, исходя из разных политических соображений и приоритетов постоянных членов СБ ООН.

На этой основе «коллективный» Запад выстраивает альтернативную архитектуру международного права и глобальной безопасности, в которой роль мировых регуляторов и судей отводится могущественным государствам, готовым и способным осуществлять экономический и военный диктат для силового продвижения своего нормативного видения общечеловеческих ценностей за рамками СБ ООН.

Таким образом, полноценное исследование одностороннего принуждения требует комплексного взгляда как на невоенные меры, растущий масштаб которых позволяет говорить о зарождении в мире фактора «экономической агрессии», так и на военные меры, которые, хотя и преподносятся странами «коллективного» Запада как осуществляемые в порядке самообороны, в ряде случаев имеют видимые признаки принуждения. Комплексный взгляд на односторонние невоенные и военные меры обоснован еще и по той причине, что в текущей практике стран «коллективного» Запада прослеживается тенденция применять их к государствам-мишеням в совокупности, что указывает на возврат в те исторические времена, когда бойкоты и эмбарго сопровождали военные кампании (Bogdanova, 2022, p. 15–19).

В настоящей статье представлен критический правовой анализ одностороннего принуждения в международных отношениях и предложен

³ Исходя из приведенных в работе Тимофеева расчетов, в XX веке из 174 случаев применения санкций 109 инициировали США, 16 — Великобритания, 14 — ЕС, 13 — СССР и Россия и 20 — ООН.

ряд мер по противодействию указанной политике. Новизна исследования заключается в попытке взглянуть на проблему одностороннего принуждения, во-первых, максимально обобщенно и в комплексе, интегрируя ее военную и невоенную формы, во-вторых, через призму выявления связанных с этой проблемой стратегических вопросов, по которым в действующем международном праве отсутствует ясность, в-третьих, предложив возможные направления повышения юридической определенности и усиления антисанкционной политики. В ситуации, когда практика международного правосудия, полноценно раскрывающая содержание стандартов, пока не сформирована, а их кристаллизация иными способами затруднена политическими и институциональными барьерами, разные взгляды государств консервируют в международном праве серую зону, представляющую собой пространство для теоретических дискуссий, с одной стороны, и для практических манипуляций — с другой.

В первой части статьи рассмотрена общая проблема определения содержания универсальных международно-правовых стандартов. Во второй части проанализирована дискуссия о содержании стандартов, регулирующих одностороннее принуждение в международных отношениях. В третьей части исследованы барьеры, препятствующие полноценной кристаллизации соответствующих стандартов. В заключении сформулированы основные выводы и предложения, сделанные в результате проведенного исследования.

1. Разные взгляды государств на содержание универсальных международно-правовых стандартов

Универсальные международно-правовые стандарты, в том числе базовые договорные, содержащиеся в Уставе ООН, представляют собой плод всеобщего компромисса государств, поэтому на бумаге они изложены в общих формулировках, детально не раскрыты, одни из них допускают исключения, другим противостоят равнозначные стандарты, соотношение с которыми не определено.

Правила толкования предусматривают, что наряду с обычным значением терминов необходимо принимать во внимание целый набор факторов: контекст, объект, цели, последующие соглашения (которые не обязательно сами должны быть оформлены как договоры), последующую практику применения, другие соответствующие нормы международного права, а также подготовительные материалы и обстоятельства заключения договоров⁴. Правила толкования, таким образом, придают универсальным

⁴ Статьи 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

международно-правовым стандартам эволюционную динамику, делают их гибкими, способными к модификации, наполнению новым содержанием, к системной интеграции с другими нормами, включая неписанные обычно-правовые.

Иногда неопределенность в исходном формулировании универсальных стандартов, включая их ключевые термины, допускается умышленно в расчете на последующую ликвидацию соответствующих пробелов при помощи практики государств и международных органов правосудия⁵.

Кроме того, в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН) о принципах международного права 1970 года⁶ и Хельсинкском Заключительном акте⁷ используется формула, согласно которой все принципы должны пониматься и приниматься во взаимосвязи между собой.

Несмотря на наличие правил толкования, государства зачастую придерживаются радикально отличающихся взглядов на интерпретацию универсальных международно-правовых стандартов, при этом каждое государство склонно полагать, что правильной является именно его интерпретация. Случаи, когда государство добровольно согласилось бы с тем, что его интерпретация международного права неверна и что его поведение является незаконным, не являются распространенными. На практике государства в зависимости от преследуемых целей и складывающихся обстоятельств зачастую вырывают из общего контекста те принципы, которые им выгодны в данном конкретном случае, и делают ставку только на их защиту и продвижение, игнорируя другие.

Ведущиеся по поводу толкования универсальных международно-правовых стандартов политические и доктринальные внесудебные дискуссии подчас напоминают философские или теологические диспуты. Эти дискуссии используются участвующими в них субъектами для того, чтобы а) убедить большинство государств в правильности своей позиции, б) сформировать задел для принятия правоприменительными органами, как международными, так и иными,

⁵ Например, разработчики Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года намеренно оставили двусмысленность по поводу определения в ее тексте важнейшей категории «императивные нормы общего международного права» ("jus cogens"): "разумным подходом...представляется оставить выработку полного содержания этого правила практикой государств и юриспруденцией международных трибуналов". Special Rapporteur Sir Humphrey Waldock, 'Second Report on the Law of Treaties, Doc a/cn.4/156 and Add.1-3' (Yearbook of the International Law Commission, Volume ii 1963). P. 53.

⁶ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года.

⁷ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. 1975.

применяющими международное право, актов, основанных на своей позиции.

Иными словами, тот, кто способен наиболее эффективно «продать» свою правовую интерпретацию стандарта международному сообществу, заручившись поддержкой возможно большего количества государств, получает политические очки, которые могут быть впоследствии конвертированы в осязаемые правовые результаты. Поддержка эта может быть явно выраженной, например, в форме резолюции или иного документа, или подразумеваемой — в форме молчаливого согласия или отсутствия интернационализированного протеста против заявленной государством позиции и основанной на ней или связанной с ней практики.

От широты интернационализированной поддержки позиции в существенной степени зависит возможность ее превращения в международный обычай — «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы»⁸. Поддержка большого круга государств не является сама по себе достаточной для признания за позицией статуса универсального международного обычая, но при определенных условиях может лечь в основу формирования партикулярного международного обычая, например регионального⁹.

Даже если интернационализированная поддержка позиции не трансформирует ее в международный обычай, такая поддержка тем не менее может служить реальным индикатором *практически допустимого* в международных отношениях в ситуации отсутствия окончательной правовой ясности по спорным вопросам интерпретации. В этом смысле широта международной поддержки правовой позиции государства служит мерилom эффективности его участия в процессе глобального управления.

Успешная защита на международной арене своей правовой позиции требует наличия в ее основе четкого стратегического целеполагания (политический компонент), ее грамотно аргументированного письменного обоснования (аналитический компонент) и навыков ее эффективного практического продвижения (дипломатический компонент).

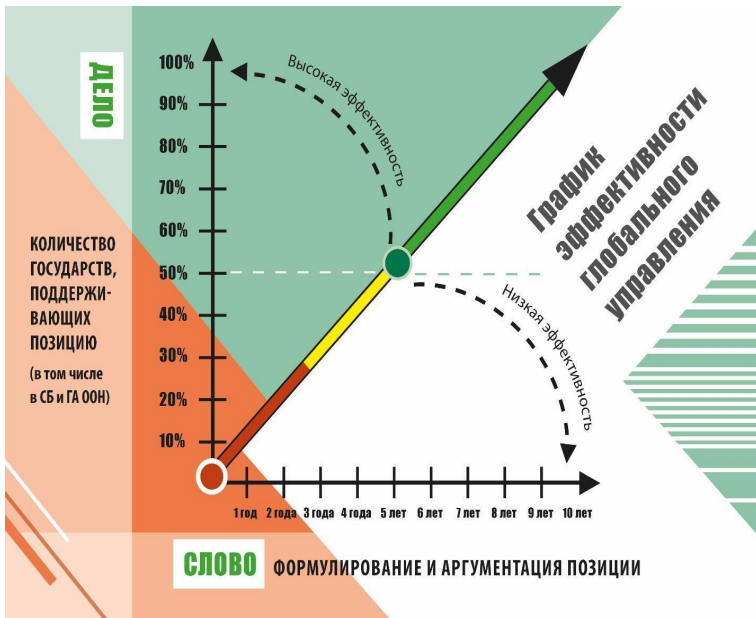
⁸ Статья 38 Статута Международного Суда. В английском и французском текстах Статута используется термин не «всеобщая практика», а эквивалент, в переводе на русский звучащий как «общая практика».

⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2018 г. № 73/203 «Выявление международного обычного права», вывод 16 «Партикулярное международное обычное право»; о международных партикулярных обычаях см.: Исполинов, А. С. (2024). Локальные (партикулярные) обычаи, Международный суд ООН и проблема согласия государств. Закон, 8, 122–132; о региональных обычаях см.: Кадышева, О. В. (2026). *Нормативный регионализм в современном международном праве на примере права Евразийского экономического союза* [Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук]. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

При успешной защите своей правовой позиции на международной арене она становится если не привлекательной, то по меньшей мере приемлемой для широкого круга государств, поэтому можно сказать, что владение перечисленными тремя качествами составляет основу технологии «написания правил глобального управления».

На графике, приведенном ниже, в максимально упрощенном виде показано, что чем быстрее государство формулирует, аргументирует (ось «Слово») и обеспечивает поддержкой большинства международного сообщества (ось «Дело») свою позицию, тем эффективнее оно участвует в практическом процессе глобального управления.

Рисунок 1. Параметры эффективности участия в глобальном управлении

2. Дискуссия о содержании стандартов, регулирующих односторонние меры принуждения

Вопрос о допустимости односторонних мер принуждения входит в число центральных спорных вопросов современного международного права.

Односторонние невоенные меры зачастую именуются односторонними санкциями или односторонними/автономными принудительными/

ограничительными мерами. Отсутствие терминологического единообразия в практике обозначения односторонних санкций и спорность самого базового термина «санкции» отражают исходную проблему неопределенности их правовой квалификации (Крицкий, 2019; Чувахин, 2026).

Несмотря на то, что односторонними принято называть санкции, вводимые без одобрения СБ ООН, зачастую они вводятся странами «коллективного» Запада консолидировано, чтобы попытаться придать им видимость многосторонних, коллективных. Однако даже в том случае, когда санкции, не одобренные СБ ООН, вводятся одновременно множеством субъектов, они не перестают оставаться односторонними, но при этом становятся «согласованными односторонними» мерами (Thouvenin, 2021, p. 149).

Односторонние санкции преследуют конечную цель принудить государства-мишени к изменению суверенной политики, не устраивающей санкционирующих субъектов. Средством достижения этой цели является максимизация издержек, которые государства-мишени несут при продолжении осуждаемой санкционирующими субъектами политики. Специфика этой цели придает односторонним санкциям характер внешнеполитических инструментов и выделяет их из круга других ограничительных мер экономического характера. Факультативными целями односторонних санкций служат сдерживание развития государств-мишеней и направление им политических сигналов (Тимофеев, 2026).

При том что действующее международное право задает общие правовые рамки для регламентации военного и невоенного принуждения в международных отношениях, оно не содержит всеобъемлющего и безусловного запрета на односторонние меры.

Одностороннее применение военной силы допускается Уставом ООН исключительно в порядке самообороны. Для односторонних ограничений невоенного характера рамочный безусловный запрет не установлен.

Декларация ГА ООН о принципах международного права 1970 года предусматривает недопустимость только тех односторонних мер, которые направлены на подчинение другого государства с сопутствующим извлечением выгод («ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то

ни было преимуществ») (Гудков, Энтин, 2025)¹⁰. Приведенная формулировка оставляет открытой дискуссию по поводу того, что считается принуждением и преимуществами, в то время как границы между правомерным давлением и неправомерным принуждением четко не определены¹¹.

Кроме того, действующее международное право прямо допускает односторонние ограничения невоенного характера в виде контрмер или средств обеспечения безопасности. В этом качестве, при соблюдении ряда условий, они способны легитимировать нарушения международно-правовых обязательств вводящих их государств¹². Когда односторонние ограничения невоенного характера не являются контрмерами и не служат интересам безопасности, сохраняется определенный простор для их легитимации на базе общих принципов, предполагающих свободу каждого суверенного государства самостоятельно определять свои внешние, в том числе экономические и политические, отношения (Энтин, 2026, с. 499–533; Вадов, Энтин, Энтина, 2025).

В рамках этих общих принципов могут быть обоснованы реторсии — меры, хотя и недружественные, но не нарушающие международно-правовые обязательства вводящих их субъектов, такие, как, например, сворачивание программ помощи и культурного сотрудничества, ограничение доступа инвестиций, дипломатические и визовые барьеры.

В связи с этим обоснованным представляется следующий вывод, сделанный в исследовании Управления Верховного комиссара ООН по правам человека в 2012 году: «Ответить в общем на вопрос, являются ли

¹⁰ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. Согласно Международному суду ООН, данная Декларация отражает нормы международного обычного права. См. *Military and Paramilitary Activities in und against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986, p. 14, para. 191. Похожую норму содержит статья 32 Хартии экономических прав и обязанностей государств (принята резолюцией 3281 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1974 года), которая устанавливает: «Ни одно государство не может применять по отношению к другому государству или поощрять применение экономических, политических или каких-либо других мер принудительного характера, направленных на ущемление его суверенных прав или на извлечение из этого какой-либо выгоды».

¹¹ UN General Assembly “Development and International Economic Cooperation: Trade and Development: Economic Measures as a Means of Political and Economic Coercion against Developing Countries”. Note by the Secretary-General (1993) A/48/535, para 2 (a).

¹² См. также: Гудков, И. В. (2026, 26 февраля). «Санкционный светофор»: Методология международно-правовой оценки односторонних ограничительных мер. *Российский совет по международным делам*. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsionnyy-svetoфор-metodologiya-me-zhdunarodno-pravovoy-otsenki-odnostoronnikh-ogranichitelnykh-me/>.

односторонние принудительные меры законными или незаконными в международном публичном праве, нелегко. Многое зависит от конкретной формы принудительных мер, от применимого договорного права, если таковое имеется, и от норм обычного международного права, имеющих отношение к оценке принудительной меры, а также от потенциальных оснований, исключающих противоправность такой меры»¹³.

Дискуссия о правомерности односторонних принудительных мер ведется на двух уровнях, которые можно условно назвать операционным и стратегическим.

На операционном уровне разбираются многочисленные споры по поводу индивидуальных случаев применения односторонних принудительных мер с фокусом на вопросы факта.

Например, государство «А» утверждает, что правомерно применило силу к государству «Б» в порядке самообороны в ответ на вооруженное нападение со стороны государства «Б», а государство «Б», не ставя под сомнение право на самооборону как таковое, оспаривает лишь факт совершения вооруженного нападения на государство «А». Или — в части односторонних санкций — государство «А» утверждает, что правомерно ввело их против государства «Б» в качестве допускаемых международным правом контрмер, поскольку государство «Б» совершило исходное правонарушение, а государство «Б» отрицает факт совершения исходного правонарушения, не ставя под сомнение само право на применение контрмер. Таких операционных споров, предмет которых — не столько содержание норм, сколько их применение к конкретным отношениям — статистическое большинство (Gray, 2018).

На стратегическом уровне споры, в том числе внесудебные (политические, доктринальные), сфокусированы не на применении к конкретным отношениям норм международного права, а на их содержании. Поскольку ни общие нормы, касающиеся односторонних мер принуждения, ни исключения из них в действующем международном праве детально не регламентированы, в интерпретации их содержания проявляется богатая палитра самых разнообразных взглядов, конфликт которых и составляет суть споров стратегического уровня.

Споры стратегического уровня расщепляют общий вопрос о допустимости одностороннего принуждения на целую серию производных системно значимых вопросов.

¹³ Human Rights Council, Thematic study of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, including recommendations on actions aimed at ending such measures. UN Doc A/HRC/19/33 (11 January 2012).

В их круг входят вопросы о том, как следует интерпретировать зафиксированный в п. 4 ст. 2 Устава ООН общий принцип запрета угрозы силой и ее применения. Государства имеют разные взгляды на то, что считается силой, включает ли понятие силы только военное или также иные измерения (в том числе экономическое, финансовое, технологическое, цифровое, информационное), что считается самообороной, позволяющей в исключительных случаях, согласно ст. 51 Устава ООН, отклоняться от общего запрета на применение силы, может ли самооборона быть задействована только в отношении государств или также против негосударственных субъектов, может ли право на самооборону быть реализовано в опережающем режиме до наступления события вооруженного нападения и что считается событием вооруженного нападения, какие государства считаются потерпевшими от правонарушения и могут ли непотерпевшие государства вводить в ответ на него односторонние санкции — аналоги контрмер, которые хотя и нарушают их международные обязательства, но считаются допустимыми, поскольку применяются в интересах защиты потерпевших государств или всего международного сообщества в целом, а также на то, в какой степени право ограничивает государства в применении односторонних санкций при их обосновании соображениями безопасности (Gray, 2018; Тузмухамедов, 2006; Bogdanova, 2022, pp. 15–19; Dupont, 2025, pp. 269–286; Гудков, Этин, 2025)¹⁴.

Деление споров на операционные и стратегические является весьма условным, поскольку при разрешении операционных споров правоприменительные органы сталкиваются с необходимостью установления содержания соответствующих международно-правовых норм, и если на их содержание спорящие государства имеют разные взгляды, то эти органы неизбежно сталкиваются с необходимостью сформулировать собственную позицию по стратегическому вопросу, касающемуся содержания соответствующей нормы.

¹⁴ Толстых, В. (2026, 26 марта). Война между США, Израилем и Ираном: Международно-правовая квалификация. *Российский совет по международным делам*. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyna-mezhdu-ssha-izrailem-i-iranom-mezhdunarodno-pravovaya-kvalifikatsiya/>; по вопросам экономического принуждения: Гудков, И. В. (2026, 26 февраля). «Санкционный светофор»: Методология международно-правовой оценки односторонних ограничительных мер. *Российский совет по международным делам*. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsionnyy-svetofor-metodologiya-mezhdunarodno-pravovoy-otsenki-odnostoronnikh-ogranichitelnykh-mel/>.

3. Барьеры на пути конкретизации содержания универсальных международно-правовых стандартов

Представляется, что стратегические спорные вопросы по поводу содержания международно-правовых норм, регламентирующих односторонние меры принуждения, пока не нашли эффективного разрешения по ряду причин, прежде всего политического и институционального характера.

3.1. Совет Безопасности ООН

СБ ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности¹⁵. Он определяет существование угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии, делает рекомендации и принимает меры для поддержания или восстановления международного мира и безопасности¹⁶.

В соответствии со ст. 41 Устава ООН Совет вправе вводить невоенные (не связанные с использованием вооруженных сил) меры, включая полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений. На основании ст. 42 Совет вправе «предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». В их число входят демонстрации, блокада и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил членов ООН.

Принимаемые СБ ООН на этих основаниях принудительные многосторонние (коллективные) меры¹⁷, включая санкции, направлены на урегулирование конкретных ситуаций угроз миру, нарушений мира или актов агрессии. Активное использование Советом соответствующих полномочий воплотилось в принятии исчисляемых сотнями резолюций, на основании которых за время деятельности Совета были введены в совокупности более 30 пакетов многосторонних санкций¹⁸ и одобрен целый ряд мер военного принуждения в порядке делегирования соответствующим государствам. Подавляющее большинство многосторонних санкций было введено СБ ООН после окончания холодной войны, особенно в последней декаде XX века, а до этого, в период с 1945 по 1990, многосторонние

¹⁵ Пункт 1 ст. 24 Устава ООН.

¹⁶ Статья 39 Устава ООН.

¹⁷ Принудительными эти меры прямо названы в п.7 ст. 2 Устава ООН.

¹⁸ <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information>

санкции вводились им всего дважды — в отношении Родезии в 1966 году и ЮАР в 1977 году (Bogdanova, 2022, p. 27).

Дискуссионным при этом является вопрос о том, может ли СБ ООН в сфере обеспечения международного мира и безопасности помимо принятия мер для урегулирования конкретных конфликтных ситуаций заниматься также выработкой общих правил поведения, применимых для регулирования абстрактных ситуаций. Иными словами, является ли Совет исключительно правоприменительным или также правотворческим субъектом? Обладает ли он способностью создавать в указанных областях правила поведения общего характера, которые действовали бы за рамками конкретных ситуаций, были бы адресованы неограниченному количеству государств и были бы рассчитаны на неоднократное применение?

Г. Эзра, детально исследовавший данный вопрос, констатирует, что деятельность СБ ООН, особенно в период после окончания холодной войны, постепенно интегрировала в себя регламентацию абстрактных, выходящих за пределы индивидуальных кейсов, отношений в областях международного мира и безопасности, и отмечает: «участие Совета в принятии тематических резолюций или издание им общих правил или обязательств в рамках конкретных резолюций об “угрозе миру” вызвало дискуссию о его участии в том, что в юридической литературе называется глобальным законодательством» (Ezra, 2022, p. 98).

Согласно классическому подходу к определению источников международного права, СБ ООН, в отличие от суверенных государств, нормотворческой способностью не обладает; в противном случае складывалась бы ситуация, когда не представленные в Совете государства должны были бы подчиняться общим правилам, выработанным без их участия и без их согласия.

Согласно другой точке зрения, более либерально оценивающей роль органов ООН и межправительственных организаций в формировании современного международного права, Совет как центральный уставный орган ООН имеет делегированную ему членами ООН нормотворческую или квазинормотворческую компетенцию. Правовой основой такой интерпретации служат ст. 24 Устава ООН, согласно которой Совет при исполнении его обязанностей, вытекающих из ответственности за поддержание международного мира и безопасности, «действует от имени» всех членов ООН, ст. 25 Устава ООН, обязывающая государства-члены «подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их», ст. 48 Устава ООН, согласно которой действия, требуемые для выполнения решений Совета в целях поддержания международного мира и безопасности «предпринимаются всеми Членами Организации или

некоторыми из них, в зависимости от того, как это определит Совет Безопасности», и ст. 103 Устава ООН, предусматривающая, что уставные обязательства государств-членов ООН имеют приоритет над другими договорами.

К. Харпер в связи с этим отмечает: «В соответствии с главой VII Совет Безопасности наделен полномочиями определять, что представляет собой «угроза миру». Однако если Совет определяет, что конкретное действие государства, хотя и не является нарушением международного права, тем не менее представляет угрозу международному миру, не создает ли это фактически юридические обязательства для этого государства в свете требований Устава о том, чтобы государства-члены подчинялись решениям Совета Безопасности?» (Harper, 1994, p. 103).

В рамках такой интерпретации СБ ООН уполномочен регулировать вопросы поддержания международного мира и безопасности на абстрактном уровне в отрыве от конкретных ситуаций. На базе доктрины подразумеваемых полномочий и презумпции законности принимаемых решений Совет расширяет это полномочие за счет включения в перечень регулируемых им угроз новых обстоятельств, которые ранее на практике не интегрировались им в категорию «угроза международному миру и безопасности» (Klamberg, Lundgren, Sundström & Ahlin, 2024, pp. 171–201). Примерами такого рода новых обстоятельств, в отношении которых Совет в последние тридцать с лишним лет принимает резолюции, являются внутренние (немеждународные) вооруженные конфликты, международный терроризм, а также невоенные источники нестабильности (преимущественно связанные с вооруженными конфликтами), такие как грубые нарушения прав человека, равносильные преступлениям против человечности, гуманитарные кризисы, государственные перевороты (Klamberg, Lundgren, Sundström & Ahlin, 2024, pp. 171–201; Ezra, 2022, p. 116–123)¹⁹.

При том, что практика СБ ООН не отличается последовательностью и единообразием (Bogdanova, 2022, p. 290), в целом она развивается в направлении признания юрисдикции над кризисными обстоятельствами, которые хотя изначально и относятся к внутренним делам, но имеют трансграничный негативный эффект (например, порождают миграцию

¹⁹ Scheffer, D., & Ellis, M. (2025, July 16). UN Charter: Global society's guide to challenging times. *International Bar Association*. <https://www.ibanet.org/The-UN-Charter-global-societys-guide-for-uncertain-times>. Инкорпорация в концепцию «угрозы международному миру и безопасности» грубых нарушений прав человека, таких, как геноцид, военные преступления, этнических чистки и преступления против человечности признается также ГА ООН в рамках доктрины «обязанности по защите». См. п. 139 Резолюции ГА ООН A/RES/60/1 от 16 сентября 2005 года «Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года».

беженцев) и по этой причине способны подрывать международную, в том числе региональную, безопасность.

На доктринальном уровне обосновывается тезис о том, что серьезные нарушения прав человека внутри государства сами по себе служат индикатором будущей угрозы международному миру и безопасности, о чем свидетельствует, в частности, опыт нацистской Германии, агрессивная бесчеловечная внутренняя политика которой, прикрываемая соображениями суверенитета, вылилась во внешнюю сферу, породив беспрецедентный по масштабам международный вооруженный конфликт (Bogdanova, 2022, p. 290).

Связь между нарушениями прав человека и угрозами международному миру и безопасности признана СБ ООН, в частности, в тематической резолюции 2000 года, в которой отмечено, что «преднамеренные действия против гражданских лиц или других находящихся под защитой лиц и совершение систематических, вопиющих и широкомасштабных нарушений норм международного гуманитарного права и стандартов в области прав человека в ситуациях вооруженного конфликта могут представлять угрозу международному миру и безопасности», в отношении которой СБ ООН готов «в случае необходимости, принимать надлежащие меры»²⁰.

При отсутствии выработанного на договорном универсальном уровне определения базовой категории «угроза международному миру и безопасности» ее содержательное динамическое развитие Советом существенно расширяет границы его мандата, если не де-юре, то, по меньшей мере, де-факто.

Вне зависимости от того, обладает или нет СБ ООН нормотворческими полномочиями, неоспоримым является тот факт, что содержательные (непроцедурные) решения он может принимать только при условии согласия пяти его постоянных членов, каждый из которых обладает правом вето, а также квалифицированного большинства непостоянных членов, в совокупности также обладающих таким правом. На практике право вето применяется весьма активно: за всю историю существования Совета постоянные члены пользовались им более 300 раз²¹. Это обстоятельство делает невозможным принятие СБ ООН содержательных решений, которые были бы неприемлемы хотя бы для одного из его постоянных членов и/или квалифицированного большинства непостоянных членов.

²⁰ Резолюция 1296 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4130-м заседании 19 апреля 2000 года.

²¹ https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/working_methods_theveto-7.pdf.

В практическом ключе это лишает Совет возможности как разъяснять, так и регламентировать системно значимые вопросы, связанные с применением в международных отношениях мер принуждения, по поводу которых внутри «пятерки» нет согласия, в частности связанные с применением односторонних мер принуждения.

3.2. Комиссия международного права

Комиссия международного права (далее — КМП), хотя и уполномочена заниматься системно значимыми правовыми вопросами общего характера — кодификацией и прогрессивным развитием международного права, — обладает спецификой, связанной с порядком формирования мандата и подготовки докладов.

Сроки рассмотрения КМП проблем чрезвычайно длительны: например, принципиально важный в контексте рассматриваемой темы проект Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (проект Статей об ответственности) готовился ею на протяжении 48 лет: с 1953 по 2001 год и при этом оставил открытым ключевой вопрос о статусе «законных мер», которые не потерпевшие от нарушения государства (третьи государства) вправе применять к нарушителям обязательств *erga omnes*²².

Статьи 48 и 54 проекта Статей об ответственности предусматривают право *любого государства* призвать к ответственности государство-нарушителя, если нарушенное обязательство «является обязательством в отношении группы государств, включающей это государство, и установлено в целях защиты коллективного интереса этой группы» или «является обязательством в отношении международного сообщества в целом» (*erga omnes*), и принять «законные меры», не относя их к контрмерам и напрямую не распространяя на них правовой режим контрмер.

Логика данных положений состоит в том, что в соблюдении определенных категорий обязательств, прежде всего обязательств *erga omnes*, заинтересованы не только потерпевшие государства, но и более широкий круг государств, каждое из которых имеет юридический интерес в том, чтобы соответствующие обязательства не нарушались, а потому имеет и право принимать «законные меры» против нарушителя даже в ситуации отсутствия прямого ущерба от нарушения.

²² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 г. с приложением Проекта статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». <https://docs.un.org/ru/a/RES/56/83>.

Виды обязательств *erga omnes* в проекте Статей об ответственности не перечислены. Исходя из практики Международного Суда, перечень обязательств *erga omnes* является открытым и в него входят, в частности, запрет на агрессию, работорговлю, расизм, пытки, систематические и грубые нарушения прав человека (Douhan, 2025, p. 293). В доктрине широко признается тесная взаимосвязь обязательств *erga omnes* с нормами *jus cogens* и дискутируется алгоритм соотношения этих двух ключевых категорий международного права (Bogdanova, 2022, p. 211–213).

Вследствие неурегулированности в проекте Статей об ответственности вопроса о том, что из себя представляют «законные меры» третьих государств, дискуссия об их текущем статусе в международном праве отражает два подхода. Согласно первому подходу, меры третьих государств могут быть исключительно реторсиями: недружественными, но не нарушающими международные обязательства мерами. Согласно второму подходу, меры третьих государств могут быть аналогами контрмер потерпевших государств, то есть представлять собой допустимые встречные нарушения международных обязательств (так называемая доктрина «контрмер третьих государств»). В рамках второго подхода предпринимаются попытки обосновать односторонние санкции, нарушающие международные обязательства третьих государств перед государствами-мишенями, в ответ на исходные нарушения государствами-мишенями обязательств *erga omnes* (Lim & Mitchell, 2023, pp. 361–391)²³.

В связи с этим важно выделить три ключевых аспекта, работающих против доктрины «контрмер третьих государств».

Во-первых, для реагирования на нарушения обязательств, в том числе *erga omnes*, в областях международного мира и безопасности в любом случае должна применяться система специальных норм, предусмотренных главой VII Устава ООН «Действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии».

Учитывая, что, как показано выше, СБ ООН в период после окончания холодной войны расширительно трактует категорию «угроза международному миру и безопасности», под нее могут подпасть нарушения значительного количества обязательств *erga omnes* (Douhan, 2025, p. 293).

В связи с этим возникает весьма широкая зона пересечения между уставной компетенцией СБ ООН и предусмотренными проектом Статей об

²³ Hathaway, O., Mills, M., & Poston, T. (2023, November 1). The emergence of collective countermeasures. *Lieber Institute for Law & Land Warfare, West Point*. <https://lieber.westpoint.edu/emergence-collective-countermeasures/>.

ответственности правомочиями третьих государств по принятию «законных мер» в отношении нарушителей обязательств *erga omnes*.

Этот конфликт можно было бы разрешить на базе ст. 59 проекта Статей об ответственности, согласно которой статьи «не затрагивают ("применяются без ущерба для"²⁴ — прим. авт.) Устава Организации Объединенных Наций». Исходя из этой нормы, при регулировании последствий нарушения обязательств *erga omnes* в сфере международного мира и безопасности приоритет должна иметь глава VII Устава ООН. Следовательно, исключительные полномочия по реагированию на нарушения соответствующих обязательств *erga omnes* должны принадлежать СБ ООН.

В рамках данного подхода за третьими государствами не должно признаваться право, действуя в обход Устава ООН, принимать по своему усмотрению односторонние санкции под предлогом защиты международного мира и безопасности. Таким образом, представляется возможным утверждать, что развитие концепции «угроза международному миру и безопасности» влечет одновременное расширение компетенции СБ ООН и сужение правомочий третьих государств в сфере реагирования на нарушения соответствующих обязательств *erga omnes*.

Во-вторых, практика непотерпевших государств по применению односторонних санкций не является последовательной и встречает широкий международный протест, что исключает возможность ее квалификации в качестве международного обычая, во всяком случае, универсального (Hofer, 2025, pp. 296–302).

Непоследовательность проявляется в ряде факторов, например, у ЕС — в разном отношении к сопоставимому поведению разных государств на международной арене и в резкой перемене устоявшегося взгляда на недопустимость вторичных санкций (Гудков, Энтин, 2025).

Другим важным проявлением непоследовательности, которое заслуживает отдельного подробного изучения, является отсутствие единообразия в выборе санкционирующими субъектами способов реагирования на якобы имеющие место нарушения в сфере международного мира и безопасности.

С одной стороны, имеются прецеденты передачи соответствующих не решенных в СБ ООН вопросов на рассмотрение ГА ООН в целях принятия по ним рекомендаций на универсальном уровне (Ржевская, 2014). Хотя подобная практика делегирования сама по себе является противоречивой, она в определенной степени была признана международным сообществом

²⁴ Английский текст проекта Статей об ответственности государств использует оборот "without prejudice".

государств и Международным Судом, так как оставляет нерешенные на уровне СБ ООН вопросы международного мира и безопасности в зоне ответственности ООН. С другой стороны, односторонние санкции, мотивируемые соображениями защиты международного мира и безопасности, принимаются без какого-либо участия как СБ ООН, так и ГА ООН. Односторонняя санкционная политика, таким образом, полностью выводит регулирование соответствующих отношений из-под действия органичного для них принципа универсальности и помещает их в целом за рамки системы ООН.

В-третьих, даже если за «законными мерами» непотерпевших государств был бы признан статус контрмер, они должны были бы отвечать набору субстантивных и процедурных критериев легитимности, установленных проектом Статей об ответственности, что автоматически сделало бы неправомерными их львиную долю. В частности, была бы полностью исключена легитимность санкций в отношении субъектов, иных, чем предполагаемые государства-нарушители, то есть незаконными были бы признаны как все санкции в отношении негосударственных субъектов, так и все вторичные санкции (Гудков, Энтин, 2025).

3.3. Международный Суд

Международный Суд (далее также — Суд) не обладает общей безусловной юрисдикцией над всеми спорами, касающимися любых предполагаемых нарушений международного права: он вправе разрешать лишь те споры, по которым спорящие стороны в требуемой форме выразили согласие на его юрисдикцию (Вылегжанин, Зинченко, 2018).

Накопленная на настоящий момент практика Международного Суда в части односторонних мер принуждения, хотя и прояснила некоторые значимые аспекты, не привела к формулированию ответов на стратегически значимые открытые спорные вопросы²⁵.

Оценивая практику Международного Суда по делам об односторонних мерах военного принуждения, К. Грэй отмечает, что «Суд в целом придерживается ограничительного подхода к применению силы. Он также проявляет осторожность, избегая противоречивых вопросов, таких как упреждающая самооборона, использование силы против негосударственных субъектов и ядерного оружия» (Gray, 2018).

²⁵ Отдельные аспекты затрагиваемых вопросов рассмотрены Международным судом ООН при разрешении споров (например, в решении по делу «Никарагуа против США» 1986 года) и в консультативных заключениях (например, по вопросу «законность угрозы ядерным оружием или его применения» 1996 года), но целостной, всеобъемлющей, окончательной картины эта практика не дает (Орбелян, 2008).

Осторожность Суда вполне объяснима ввиду того, что его компетенция ограничена толкованием и применением действующего права, а значит, Суд должен аккуратно соблюдать тонкий баланс, не выходя из этих сфер в область нормотворчества.

На концептуально-обобщающем (оторванном от конкретных дел с их индивидуальными уникальными характеристиками) уровне стратегические спорные вопросы по поводу односторонних мер принуждения можно было бы прояснить консультативным заключением Суда, уполномоченного, согласно ст. 65 его Статута, выдавать заключения «по любым юридическим вопросам». Для этого потребовался бы грамотный, предельно точно и детально сформулированный запрос со стороны ГА ООН или СБ ООН²⁶. Хотя практика консультативных заключений Международного Суда активно развивается (на сегодняшний день выдано уже 30 заключений)²⁷, по указанным центральным, жизненно важным вопросам международного права, несмотря на их несомненно высочайшую актуальность, запросы в Международный Суд пока не сформированы, но определенные шаги в этом направлении предпринимаются. По инициативе России и Беларуси ведется подготовка обращения в Суд за консультативным заключением в отношении односторонних санкций²⁸.

В то же время следует иметь в виду, что даже формулирование Международным Судом позиции по интерпретации спорного вопроса не является ключом к ее окончательной кристаллизации. Так, рассматривая межгосударственные споры по конкретным делам, он принимает решения, формально обязательные только для спорящих сторон и не имеющие прецедентного значения²⁹. А его консультативные заключения по общим системно значимым правовым вопросам формально не являются юридически обязательными (Крылов, 1958, с. 10–11)³⁰. Поэтому интерпретация Международным Судом спорного стандарта, хотя и является лучшим и наиболее авторитетным из доступных средств, способна, образно говоря, вывести спорный стандарт из темно-серой в светло-серую зону, но не гарантирует окончательной правовой определенности.

²⁶ Статья 96 Устава ООН.

²⁷ <https://www.icj-cij.org/advisory-proceedings>

²⁸ Лапихина, Е. С. (2026, 18 февраля). *Выступление представителя Российской Федерации Е. С. Лапихиной на заседании Специального комитета по Уставу ООН и усилению роли Организации* [Выступление]. <https://russiaun.ru/ru>

²⁹ Статья 59 Статута Международного Суда.

³⁰ Как отмечает С.Б. Крылов, «консультативные заключения Суда в отдельных случаях могут иметь обязательную силу, если они испрашиваются, например Международной организацией труда в связи с деятельностью ее Административного трибунала или если спор касается привилегий и иммунитетов ООН».

Заключение: выводы и предложения

Проблема одностороннего принуждения с вытекающими из нее системно значимыми вопросами входит в число узловых спорных аспектов современного международного права, в отношении которых наблюдается резкая поляризация взглядов «коллективного» Запада и мирового большинства. Диапазон мнений по поводу односторонних санкций впечатляет: от аргументов в пользу признания за ними статуса сложившегося международного обычая до тезиса об их безусловной и очевидной противозаконности. Споры по поводу допустимых границ одностороннего применения военной силы в порядке самообороны также отражают целую палитру противоположных точек зрения.

Представляется, что основной политической причиной наличия одностороннего принуждения в современных международных отношениях является пробуксовка системы коллективной международной безопасности ООН, проявляющаяся, прежде всего, в разных взглядах постоянных членов СБ ООН на вопросы права и факта в части регулирования отношений по поддержанию международного мира и безопасности, что препятствует принятию многосторонних мер по их защите³¹.

Сложности с достижением консенсуса в СБ ООН наблюдались на протяжении большей части истории существования ООН: как в эпоху холодной войны, так и в настоящее время, а исключением был промежуток с 1990 по 2010-е годы, в течение которого СБ ООН принял львиную долю действующих мер многостороннего характера, используя широкую трактовку категории «угроза международному миру и безопасности».

Базовой же правовой проблемой при оценке одностороннего принуждения служит отсутствие четких, полноценно протестированных и раскрытых в практике международного правосудия критериев применения соответствующих универсальных стандартов поведения, что создает правовую неопределенность.

Разные государства придерживаются разных взглядов на то, как интерпретировать общие стандарты регулирования и какое содержание в них вкладывать. Стратегические вопросы интерпретации остаются в серой зоне, которая ловко используется принуждающими субъектами как «мутная вода», в которой они активно «ловят рыбу», создавая видимость правомерности своего поведения и пытаясь уйти от ответственности за него.

³¹ Живанович, М. (2024, 29 августа). Будущее санкционной политики в многополярном мире. *Валдай*. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/budushchee-sanktsionnoy-politiki/>.

В части односторонних санкций вводящие их субъекты умышленно избегают их международно-правовой квалификации, чтобы сохранить максимальную свободу маневра в рамках широко трактуемого принципа суверенитета, а на доктринальном уровне резервируют возможности их легитимации как мер, вводимых в ответ на нарушения обязательств *erga omnes* или в целях обеспечения безопасности. В части односторонних мер военного принуждения — оправдывают их искусственно конструируемыми аргументами индивидуальной или коллективной самообороны.

Магистральным направлением решения данной проблемы в ситуации, когда по причинам политического характера перезапуск системы коллективной международной безопасности ООН пока не представляется возможным, могло бы стать формулирование государствами мирового большинства своего нормативного видения соответствующих универсальных стандартов, его конкретизация и эффективная защита на международной арене.

Для этого на правовом фронте было бы целесообразным формулировать и защищать нормативный образ такого многостороннего полицентричного мира, в котором случаи применения односторонних принудительных мер были бы сведены к закрытому краткому перечню четко определенных и объективно верифицируемых допустимых исключений.

Конкретизация и усиление выражаемого странами мирового большинства международного политического протеста против одностороннего принуждения могли бы содействовать приданию ему юридической эффективности и способствовать если не ликвидации, то сужению имеющейся серой зоны, которая используется как пространство для манипуляций и злоупотреблений.

Программа действий могла бы включать направления по формированию новых норм права (*lex ferenda*) и по усилению эффективности применения существующих норм (*lex lata*). Готовые к участию в реализации программы государства и негосударственные субъекты могли бы сформировать на ее основе международный механизм контрсанкционной солидарности.

В рамках направления *lex ferenda* было бы целесообразным развивать наработки, зафиксированные в многочисленных имеющихся документах, в

том числе созданных на площадках ГА ООН³² и Совета по правам человека ООН³³, включая проект Международного пакта о праве на развитие³⁴.

Разработка качественного антисанкционного запрета требует гибкого и креативного подхода. Прокламация безусловной недопустимости одностороннего принуждения не является эффективным решением, так как не учитывает имеющуюся сложную международно-правовую реальность. В свою очередь, прокламация недопустимости принуждения, которое не соответствует международному праву или его отдельным принципам, также не является достаточно действенным решением, поскольку оставляет пространство для продолжения дискуссий о том, какие односторонние меры соответствуют международному праву или его отдельным принципам, а какие — нет.

Речь, как представляется, должна идти о внедрении такого нормативного решения, которое органично вписывалось бы в действующее международное право и при этом гармонично развивало бы его. Конкретизировать критерии допустимого одностороннего принуждения, максимально сузив пространство для подобных мер, можно было бы,

³² См., в частности: Кику, Д. (2025, 4 декабря). Становление антисанкционного альянса. РСМД. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/stanovlenie-antisanktsionnogo-alyansa>; Министерство иностранных дел Российской Федерации. (б. д.). Противодействие односторонним санкциям. https://mid.ru/ru/foreign_policy/aktual_nyye_voprosy_mezhdunarodnogo_prava_pozitsiya_rossii/pr_otivodeystvie_odnostoronnim_sanktsiyam/.

³³ Резолюция «Негативное воздействие односторонних принудительных мер на осуществление прав человека» // UN HRC. A/HRC/49/L.6. 2022. Довгань, Е. Ф. (2022, 15 июля). *Вторичные санкции, гражданские и уголовные наказания за обход режимов санкций и чрезмерное соблюдение санкций* [Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека]. Совет ООН по правам человека. <https://docs.un.org/ru/A/HRC/51/33>.

³⁴ Документ № A/HRC/54/50. Совет по правам человека. Пятьдесят четвертая сессия 11 сентября — 6 октября 2023 года. Пункт 3 повестки дня Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие. Проект международного пакта о праве на развитие. Доклад Председателя-докладчика Рабочей группы по праву на развитие Замира Акрама (Пакистан). Статья 14 проекта пакта «Принудительные меры» предусматривает: «1. Использование или поощрение использования экономических или политических мер, либо любых других мер, в том числе односторонних, для принуждения государства, чтобы добиться от него подчинения процесса осуществления им своих суверенных прав в нарушение принципов суверенного равенства государств, свободы согласия государств или применимого международного права, представляет собой нарушение права на развитие. 2. Государства-участники воздерживаются от принятия, сохранения или осуществления мер, упомянутых в пункте 1». Как видно из п. 1 приведенной формулировки, постулируется недопустимость принудительных мер, принимаемых для «подчинения» и «в нарушение принципов суверенного равенства государств, свободы согласия государств или применимого международного права», что оставляет простор для дискуссии о том, что считается «подчинением» и нарушает ли конкретная мера «принципы суверенного равенства государств, свободы согласия государств или применимое международное право».

например, в рамках подготовки проекта изменений в авторитетный, широко признанный акт — Декларацию ГА ООН о принципах международного права 1970 года.

Так, донастройка ее положения, посвященного недопустимым мерам принуждения, могла бы явно выраженным образом включить в сферу запрета любые, принимаемые за рамками Устава ООН, меры, имеющие целью без согласия государства влиять на его суверенную политику, с исключением из сферы запрета только тех мер, которые в качестве средств реагирования на международно-противоправные деяния допускаются в рамках права международной ответственности государств при соблюдении установленных им условий (Гудков, Энтин, 2025).

Максимального расширения сферы запрета можно было бы добиться за счет сведения исключения к мерам реагирования только на те международно-противоправные деяния, факт совершения которых установлен решением компетентного международного органа, что сделало бы невозможным использование исключения по субъективному усмотрению санкционирующих субъектов.

Тем самым был бы закреплен общий запрет на любые односторонние санкции, направленные на изменение суверенного курса государства без его согласия, за исключением лишь тех мер, которые соответствуют целому набору квалифицирующих критериев и направлены на коррективную совершенных государством нарушений, установленных решением компетентного международного органа.

Такое решение позволило бы на базе и в развитие имеющейся международно-правовой реальности задать четкие рамки для множущихся в геометрической прогрессии односторонних санкций, сведя их применение только к допустимым случаям реагирования на установленные правонарушения и исключив свободу субъективного усмотрения в их применении по иным основаниям, в том числе по автономному основанию безопасности. Такое, основанное на принципе «нет нарушения — нет санкций», решение позволило бы поставить надежный нормативный заслон на пути развития агрессивной практики односторонних ограничений, превратив ее в «антиправо», и поставить вне закона как реторсии, так и сопряженные с нарушением международных обязательств меры, *если и когда они вводятся с целью повлиять на законное суверенное поведение другого государства без его согласия.*

Даже если из-за высокой конфликтности текущего состояния дел на международной арене универсализировать согласованный странами мирового большинства подход в обозримой перспективе не представляется возможным, он мог бы использоваться в договорной практике, при

определенных условиях трансформироваться в партикулярный международный обычай, стать заделом для принятия решений органами международного правосудия и превратиться в инструмент глобального управления.

В свою очередь, в рамках направления *lex lata* могли бы быть реализованы следующие мероприятия.

Во-первых, внедрение согласованной общей методологии международно-правовой оценки односторонних принудительных мер, закрепляющей базовые основания классификации и критерии оценки с позиций действующего права.

В основание классификации мог бы быть положен мотивационно-телеологический подход: установление мотива и цели введения односторонних мер. Оценка мер, позиционируемых в качестве средств реагирования на нарушения международных обязательств, в том числе *erga omnes*, должна была бы осуществляться в свете норм права международной ответственности государств, поскольку именно они задают рамки для определения допустимых последствий международно-правовых нарушений. В свою очередь, оценка мер, вводимых в качестве ответа на угрозы или нарушения международного мира и безопасности, должна была бы осуществляться в свете норм главы VII Устава ООН. Применение к оценке односторонних мер норм права международной ответственности государств и главы VII Устава ООН позволило бы при помощи прозрачных объективных критериев обосновать жесткое ограничение субъективного усмотрения инициаторов и доказать нелегитимность значительного количества рестрикций, в том числе в междисциплинарном разрезе на основании принципа системной интеграции³⁵.

Во-вторых, расширение и ужесточение международного протеста против односторонних мер принуждения, которые идентифицированы в качестве незаконных.

В числе приоритетных целей интернационализированного протеста видятся экстерриториальные вторичные санкции, причиняющие глобальный ущерб не только государствам-мишеням, но и всем их партнерам, и при этом, очевидно, наиболее уязвимые с точки зрения возможностей их оправдания на базе любых имеющихся в действующем международном праве оснований.

³⁵ Гудков, И. В. (2026, 26 февраля). «Санкционный светофор»: Методология международно-правовой оценки односторонних ограничительных мер. *Российский совет по международным делам*.
<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sanktsionnyy-svetofoor-metodologiya-me-zhdunarodno-pravovoy-otsenki-odnostoronnikh-ogranichitelnykh-me/>.

Возможными средствами ужесточения протеста могли бы стать коллективные, сопровождаемые детальной международно-правовой аргументацией, требования гарантий неприменения конкретных санкционных актов или их отмены, и коллективные меры реагирования в случае неудовлетворения санкционирующими субъектами предъявленных к ним требований.

В-третьих, развитие практики антисанкционных судебных и арбитражных споров на всевозможных уровнях и во всевозможных форумах. В частности, иранский опыт оспаривания в Международном Суде и в международном инвестиционном арбитраже односторонних принудительных мер США, Канады и Бахрейна³⁶, а также опыт ряда стран по оспариванию односторонних санкций в ВТО (Боклан, Коваль, 2024, с. 14–15), в том числе дело о противодействии ЕС вторичным антикубинским санкциям США, в котором был создан прецедент взаимоприемлемой внесудебной модификации санкционного режима³⁷, дают представление о потенциале соответствующих механизмов. Важно при этом подчеркнуть, что международное инвестиционное право создает возможности защиты инвестиций не только от регулятивных рисков, но и от рисков физической безопасности, что актуально в связи с расширением военно-силового принуждения в современных международных отношениях. Возбуждение в международном арбитраже дел само по себе становится серьезным рычагом воздействия на принуждающих субъектов, способным, как показывает в том числе актуальная практика, повлиять на их политику (Гудков, Энтин, 2024).³⁸

В-четвертых, реализация инициативы по передаче на консультативное заключение Международного Суда предельно точно, емко и аккуратно сформулированных вопросов о границах правомерности односторонних принудительных мер в международных отношениях.

В-пятых, проведение работы по официальному осуждению ГА ООН военных операций США, включая антивенесуэльскую и антииранскую кампании, которые пока что, в отличие от военных операций многих иных государств, не получили осуждения на универсальном межправительственном уровне, вследствие чего укореняется проблема искусственно сконструированной видимости относительной легитимности

³⁶ Alleged Violations of State Immunities (Islamic Republic of Iran v. Canada) // <https://www.icj-cij.org/case/189> ; Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America) // <https://www.icj-cij.org/case/164> ; Bank Melli Iran and Bank Saderat Iran v Bahrain, PCA Case No. 2017-25.

³⁷ United States - The Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act. WT/DS38/2 8 October 1996.

³⁸ Дякин, Д. (2026, 9 апреля). Остались ли санкции Евросоюза «умными»? *Коммерсантъ*.

наиболее агрессивных военно-силовых действий страны-гегемона на международной арене.

Реализация указанных мероприятий потребовала бы от стран, готовых объединиться в международный механизм контрсанкционной солидарности, политической воли на эффективное практическое продвижение на международной арене своего нормативного видения универсальных правил поведения — навыка, во владении которым «коллективный» Запад стремится удержать исторически сложившееся доминирование.

В условиях идущего в мире ожесточенного силового передела ресурсов и сфер влияния, фактор времени становится решающим: молчание или сдержанная реакция мирового большинства в ответ на агрессивные действия США и «коллективного» Запада на военных и экономических фронтах будут расценены как слабость, развязывающая руки для дальнейшей эскалации и расширения пределов практически возможного в интересах «коллективного» Запада и, прежде всего, в интересах Соединенных Штатов Америки, стремящихся сохранить и упрочить свой пошатнувшийся статус гегемона, стоящего у штурвала глобального управления.

Список литературы / References

1. Боклан, Д. С., Коваль, В. В. (2024). Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования. *Московский журнал международного права*, (1), 14–15. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-6-23>
Boklan, D. S., Koval, V. V. (2024). Unilateral sanctions under international law and the effectiveness of blocking. *Moscow Journal of International Law*, (1), 14–15. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-1-6-23>
2. Вадов, А., Энтин, М., Энтина, Е. (2025). Императивы создания правовых барьеров на пути применения односторонних ограничительных мер. *Международная жизнь*, (3), 40–59.
Vadov, A., Entin, M., Entina, E. (2025). Imperatives for creating legal barriers to the use of unilateral restrictive measures. *International Affairs*, (3), 40–59.
3. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. Юрисдикция Международного суда ООН: некоторые теоретические вопросы // *Московский журнал международного права*. 2018. № 4. С. 6–32.
<https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-4-6-32>
4. Вылегжанин, А. Н., Зинченко, О. И. (2018). Юрисдикция Международного суда ООН: некоторые теоретические вопросы. *Московский журнал международного права*, 28(4), 6–32.
<https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-4-6-32>

- Vylegzhanin, A. N., Zinchenko, O. I. (2018). Jurisdiction of the International Court of Justice of the United Nations: some theoretical issues. *Moscow Journal of International Law*, 28(4), 6–32.
<https://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-4-6-32>
5. Гудков, И. В., Энтин, М. Л. (2025). Односторонние «антироссийские» санкции: как усилить ответ. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 21(3), 53–69.
<https://doi.org/10.61205/S199132220034841-1>
Gudkov, I. V., Entin, M. L. (2025). Unilateral “anti-Russian” sanctions: How to strengthen the response. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 21(3), 53–69.
<https://doi.org/10.61205/S199132220034841-1>
6. Гудков, И. В., Энтин, М. Л. (2024). «Северные потоки»: Как принудить страны ЕС ответить за причиненный ущерб. *Международные процессы*, 22(2), 86–94.
Gudkov, I. V., & Entin, M. L. (2024). “Nord Stream”: How to compel EU countries to compensate for the damage caused. *International Trends*, 22(2), 86–94.
7. Исполинов, А. С. (2024). Локальные (партикулярные) обычаи, Международный суд ООН и проблема согласия государств. *Закон*, (8), 122–132.
Ispolinov, A. S. (2024). Local (particular) customs, International Court of Justice and the problem of State consent. *Zakon*, (8), 122–132.
8. Кадышева, О. В. (2026). *Нормативный регионализм в современном международном праве на примере права Евразийского экономического союза* [Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук]. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Kadysheva, O. V. (2026). *Normative regionalism in contemporary international law: The case of the law of the Eurasian Economic Union* [Doctoral dissertation, Lomonosov Moscow State University].
9. Крицкий, К. В. (2019). *Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве* [Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук]. Москва.
Kritsky, K. V. (2019). *Sanctions and unilateral restrictive measures in contemporary international law* [Candidate of Legal Sciences dissertation]. Moscow.
10. Крылов, С. Б. (1958). *Международный суд*. Госюриздат.
Krylov, S. B. (1958). *The International Court*. Gosyurizdat.
11. Ржевская, В. С. (2014). «Единство в пользу мира» и практика Международного Суда ООН. *Международное правосудие*, (1), 105–114.
Rzhevskaya, V. S. (2014). “Uniting for Peace” and the practice of the International Court of Justice. *International Justice*, (1), 105–114.

12. Тимофеев, И. Н. (2026). *Санкционная политика: опыт США* [Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации]. Timofeev, I. N. (2026). *Sanctions policy: The U.S. experience*. [Doctoral dissertation, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]
13. Тузмухамедов, Б. Р. (2006). Упреждение силой: «Каролина» и современность. *Россия в глобальной политике*, 4(2), 204–213.
Tuzmukhamedov, B. R. (2006). Pre-emptive use of force: The “Caroline” and modernity. *Russia in Global Affairs*, 4(2), 204–213.
14. Чувахин, П. И. (2026). Пределы односторонних экономических санкций в международном праве. *Московский журнал международного права*, (1), 80–94. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-80-94>
Chuvakhin, P. I. (2026). The limits of unilateral economic sanctions under international law. *Moscow Journal of International Law*, (1), 80–94. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-80-94>
15. Энтин, М. Л. (2026). Правовые основы регулирования ограничительных мер в ЕС. Санкционные режимы. Мировая практика применения односторонних ограничительных мер. Последствия для правовых систем вводящих их стран и объединений. В В. В. Войников, М. Л. Энтин (ред.), *Теория и практика правового регулирования мировых интеграционных процессов* (Т. I, с. 499–533). Норма. <https://doi.org/10.12737/2232575>
Entin, M. L. (2026). Legal foundations for regulating restrictive measures in the EU. Sanctions regimes. Global practice of applying unilateral restrictive measures. Consequences for the legal systems of the countries and associations imposing them. In V. V. Voynikov & M. L. Entin (Eds.), *Theory and Practice of Legal Regulation of Global Integration Processes* (Vol. 1, pp. 499–533). Norma. <https://doi.org/10.12737/2232575>
16. Bogdanova, I. (2022). *Unilateral sanctions in international law and the enforcement of human rights: The impact of the principle of common concern of humankind*. Brill | Nijhoff. <https://doi.org/10.1163/9789004507890>
17. Douhan, A. F. (2025). Unilateral sanctions and emerging issues of international human rights law. In J. Gordon (Ed.), *Economic sanctions from Havana to Baghdad: Legitimacy, accountability, and humanitarian consequences* (pp. 287–329). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108915632.017>
18. Dupont, P.-E. (2025). An overview of some legal issues concerning unilateral sanctions. In J. Gordon (Ed.), *Economic sanctions from Havana to Baghdad: Legitimacy, accountability, and humanitarian consequences* (pp. 269–286). Cambridge University Press.
19. Ezra, G. (2022). The UN Security Council and the saga of “global legislation”. *International Law Studies*, 99, 93–116.

20. Gray, C. (2018). *International law and the use of force* (4th ed.). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/law/9780198808411.001.0001>
21. Harper, K. (1994). Does the United Nations Security Council Have the Competence to Act as Court and Legislature? *New York University Journal of International Law and Politics*, 27(1), 103–157.
22. Hofer, A. (2025). Third-party countermeasures: Making custom out of ambiguous practice? *International and Comparative Law Quarterly*, 74(2), 287–317. <https://doi.org/10.1017/S0020589325100808>
23. Klamberg, M., Lundgren, M., Sundström, K., & Ahlin, P. (2024). Tempering the Security Council's expanded perception of threats to the peace. *Nordic Journal of International Law*, 93(2), 171–201. <https://doi.org/10.1163/15718107-bja10082>
24. Lim, C., & Mitchell, R. (2023). Neutral rights and collective countermeasures for *erga omnes* violations. *International & Comparative Law Quarterly*, 72(2), 361–391. <https://doi.org/10.1017/S0020589323000076>
25. Thouvenin, J.-M. (2021). Articulating UN sanctions with unilateral restrictive measures. In C. Beaucillon (Ed.), *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Edward Elgar.